

Борьба с памятью. Истоки беспамятства

Статья посвящена месту и роли памяти в традиционной и массовой культуре. Обычный человек – это, как правило, существо, лишенное памяти. Или, лучше сказать, со слабо развитой индивидуальной памятью и сильно развитой памятью родовой. Преобладающим содержанием такой памяти являются мифы. Анти-индивидуальный характер народной памяти выражался в невозможности удержать в коллективной памяти события и исторические лица, иначе как превратив их в архетип, то есть аннулировав все их «исторические» и «личностные» особенности. Авторитарная власть стремится создать человека, не обремененного прошлым, обладающего такой «памятью», которая создается усилиями идеологов и систематически внедряется в сознание народных масс через книги, учебники, средства массовой информации. Эта культивируемая память призвана подавить память индивидуальную, сделать ее бледным призраком на фоне великих подвигов и героев. На самом деле это культивирование национального беспамятства.

Ключевые слова: миф, архетип, история, историческое беспамятство, демифологизация памяти, прецедентные тексты.

Память – это не автоматически дающееся наследие. Люди обычно ничего не помнят, как не помнят животные, или помнят только то, что непосредственно касается их жизненных интересов. Помнить – это искусственное состояние, достигаемое через специфические усилия. В этом смысле обычный человек – это, как правило, существо, лишенное памяти. Или, лучше сказать, со слабо развитой индивидуальной памятью и сильно развитой памятью родовой. Преобладающим содержанием такой памяти являются

мифы. Все мифические воспоминания, повествующие о «Рае», рисуют нам картину идеального человечества, пребывающего в блаженстве и наслаждающегося богатствами духа, чего никогда не может быть на земле, где человек «впал в грех». В мифах многих народов содержатся намеки на некую, весьма отдаленную, эпоху, когда люди не будут знать ни смерти, ни работы, ни страданий, а для получения пищи им будет достаточно всего лишь протянуть руку¹.

Воспоминание о рае в прошлом и мечта о неизбежном наступлении рая в будущем – архетипичные черты всякого коллективного архаического сознания. Историческое лицо, писал М. Элиаде, ассимилируется со своей мифической моделью (герой и т. п.), а событие интегрируется в категорию мифических действий (борьба с чудовищем, братом, ставшим врагом и т. д.). Если в некоторых эпических поэмах и сохранилась так называемая «историческая правда», то обычно она «правдива» в отношении к социальным институтам, обычаям и почти никогда к определенным персонажам и событиям.

Можно даже сказать, что народная память возвышает исторического персонажа недавних времен, превращая его в подражателя архетипу и исполнителя архетипических подвигов, ибо подобная модель поведения в архаическом обществе до сих пор обладает определенной значимостью. Анти-индивидуальный характер народной памяти выражался в невозможности удержать в коллективной памяти события и исторические лица, иначе как превратив их в архетип, т. е. аннулировав все их «исторические» и «личностные» особенности. Все воспоминания о событиях, не восходящих ни к одному из архетипов, о событиях «личного» характера (в большинстве случаев о «грехах») является чем-то совершенно невыносимым для массы.

Не надо ничего помнить из «доисторического времени», потому что оно не имеет никакой силы и никакого влияния на современную ситуацию. У массы возникает некое параноидальное ощущение, согласно которому то, что есть сейчас – было всегда в прошлом и всегда будет в будущем. В этом смысле все системы, ориентированные на абсолют, на вневременный архетип, являются архаическими системами, существующими как в далеком прошлом, так и во все последующие века.

В России уже в первое десятилетие после революции на дорогу истории вышли «свежие люди», не обремененные прошлым, обладающие такой «памятью», которая создается усилиями идеологов и систематически внедряется в сознание народных масс через книги, учебники, средства массовой информации. Эта культивируемая

память призвана подавить память индивидуальную, сделать ее бледным призраком на фоне великих подвигов и героев. На самом деле это было культивированием национального беспамьяства.

Варлам Шаламов писал о событиях 1937 г.: «С первой тюремной минуты мне было ясно, что никаких ошибок в арестах нет, что идет планомерное истребление целой “социальной” группы – всех, – кто запомнил из русской истории последних лет не то, что в ней следовало запомнить»².

Например, миф о Великом октябре, с которого и началась, якобы, подлинная история России. Он был «идеологической надстройкой» над уже существовавшей российской политической культурой, доставшейся Октябрю «в наследство». Октябрь был продуктом российской политической культуры и одновременно – уже как миф! – сам лежал в основании легитимности советской нации. С «залпом Авроры» наступила «новая заря»³.

Слово «Октябрь» стало эвфемизмом революции. Революция рассказывалась повсюду – в газетах, листовках и брошюрах самопровозглашенными революционерами всех мастей. Ее можно было услышать в повседневных и официальных речах, на городских улицах, на фабриках и заводах, в агитпоездах, которые развозили ее по всей стране. Она рассказывалась в исторических книгах, школьных учебниках и детских книжках. Она рассказывалась в архивах, музеях и библиотеках, занятых сохранением ее материальных следов. Она рассказывалась на «красных» похоронах, процессиях и фестивалях. Она рассказывалась в фотографиях, которыми скоро начали заполняться обложки и страницы журналов, и в фильмах, заполнивших киноэкраны страны. Через неуклонное восхождение по ступеням «свидетельств» Октябрь, наконец, превратился в событие инициации Советского Союза. Через ритуализированные представления, в частности, по случаю празднования годовщин, Октябрь стал ритуалом Советского государства, неприкосновенным и вечным манифестом и клятвой верности⁴.

Рассказ об Октябрьской революции, считает Фр. Корни, был основным языком, внутри которого бывшие подданные царской империи могли артикулировать и осознать себя членами нового, коммунистического общества, общества, которое предоставило своим гражданам радикально трансформированный политический и лингвистический ландшафт. Октябрьская революция могла осмысливаться только изнутри этого ландшафта, определяемого не географически, но концептуально. Вне его Октябрь существовал не как революция, а только как переворот. Но чтобы слово «Октябрь» стало кодовым словом для создания прецедентных текстов, нужно

было провести большую работу. Прошло очень много лет, пока Октябрьская революция стала всенародным праздником. Превращение этого языкового сумбура в отредактированный и расписанный по ролям сценарий для заучивания, этой разноголосицы – в хор, поставленными голосами исполняющий кантату «Октябрь», было долгим процессом. Его осуществляли не только участники революции, но и художники, писатели, кинорежиссеры.

История становится средством манипуляции, хорошо продаваемым товаром. Память подвергается многочисленным обработкам в политических интересах, замалчиваются альтернативные версии прошлого:

Популярная культура, опираясь на знакомые зрителю образы и нарративные рамки, способна подавать память и историю как источник национальной гордости, удовольствия, осмысленной связности. Нарративы, как они фигурируют в составе массовой культуры, нередко либо «забалтывают» драматическое прошлое, о котором, возможно, лучше вообще ничего не рассказывать, чем пользоваться в его изложении теми схемами, которые ничего, кроме самоуспокоенности, самообмана, образа культуры как средоточия возвышенных ценностей и эмоций, породить не в состоянии⁵.

Внедрение «мифа об Октябре» в сознание начиналось с самого раннего возраста. Сначала, пишет В. Пелевин в своей работе «Зомбификация», нас украшают маленькой пентаграммой из красной пластмассы с портретом кудрявого покровителя всей малышни. При этом мы получаем первое из магических имен – «октябрюта», и узнаем, что «так называли нас не зря – в честь победы Октября». Это первая магическая инициация. Вторая уже намного сложнее – подростков детей обучают начаткам ритуала («салют», «честное пионерское») и символикe – вручаются новый значок (пылающая пентаграмма из металлического сплава) и красный галстук, обеспечивающий связь с Красным Знаменем. Дается второй магический статус – «пионер», и в сознание впервые вводит страх потерять его. Этот страх начинает использоваться административно-педагогическим персоналом с целью упрощения «воспитания» и управления⁶.

Традиционная модель советской культуры, отрицающая все прошлое до Октября, нацеленная на забвение этого прошлого, строится на том, что отрицание культуры прошлого исходило либо от авангарда, либо от Пролеткульта и впоследствии от РАППа, то есть слева и справа – внутри культуры. При этом не учитывается то обстоятельство, что отрицание культурной традиции в связи

с соответствующим эстетическим порогом массового восприятия искусства исходило от широчайших масс города и деревни, активно вовлекаемых новой властью в «культурное строительство». Признание этого фактора не вписывалось в левую парадигму как западного антитоталитаризма, так и советского шестидесятничества, склонных вполне по-народнически во всем усматривать вину идеологов и предателей интересов народа, настаивая на непричастности масс. С другой стороны, это обстоятельство не могло быть признано и национально-традиционалистским сознанием, также переоценивающим и мифологизирующим народный лад⁷.

Когда исчез, распался миф о Великом Октябре, начал распадаться и исчезать Советский Союз, но остались всевозможные мифы о прошлой истории, потому что остались люди, которым нужна именно такая история, за которую не нужно нести ответственности, не нужно каяться:

Ценность прошлого, культуры, традиции резко повышается по мере того, как становится источником легитимации тех или иных социальных групп. Вдумываясь в этот тезис в XXI веке, можно с уверенностью сказать, что и для современных социальных групп, включая национальные общности и государства, прошлое остается единственным надежным источником легитимации⁸.

Поэтому необходима демифологизация памяти, так как мифы фактически игнорируют то прошлое, каким оно реально переживалось. Российская история последних двадцати лет, пишет Е. Трубина, была отмечена сначала всплеском памяти о доселе запретных страницах прошлого, а затем замораживанием одной, устраивающей авторитарный режим версии прошлого. Отсюда и появление комиссии по «противодействию попыткам фальсификации истории», которая все исследования прошлого, расходящиеся с официальной точкой зрения, объявляет фальсификацией и, видимо, полагает, что можно управлять историей и контролировать память:

Неустрашимость из коллективного сознания иных, чем доминирующие, версий событий, сосуществование нескольких «образов» прошлого сочетается со стремлением государства «зачистить» и эту часть политического ландшафта, контролируя массмедиа, использующие разные этапы прошлого страны, по сути, с одной целью – легитимации политического режима. Необходимый в отношении к истории плюрализм должен быть предметом целенаправленного политического и интеллектуального усилия⁹.

То, что писал М. Элиаде об архаическом прошлом, сохраняет в современности свое злободневное значение:

Эти архаические системы, отменяя конкретное время, пытаются таким образом избавиться от истории. Отказ хранить память о прошлом, даже о самом недавнем, кажется нам признаком особого устройства человеческого менталитета. Это, если говорить кратко, отказ архаического человека воспринимать свое бытие как историческое, отказ наделять значимостью «память» и, как следствие, нерегулярные события (то есть события, не имеющие архетипической модели), которые, в сущности, и составляют конкретное течение времени. В конечном счете, мы полагаем, что глубинный смысл всех этих обрядов и установок состоит в стремлении обесценить время. Доведя эти обычаи и варианты установочного поведения, о которых мы упомянули выше, до их логических пределов, можно прийти к следующему заключению: если времени не придают никакого значения, стало быть, оно не существует; более того, как только время начинают ощущать (из-за «прегрешений» человека, то есть тех случаев, когда человек удаляется от архетипа и попадает в течение времени), его беспрепятственно аннулируют. В сущности, если представить себе подлинную перспективу жизни архаического человека (жизнь, сведенную к повторению архетипических деяний, то есть к *категориям*, а не к *событиям*, к беспрепятственному воспроизведению одних и тех же первомифов и т. д.), то хотя она и протекает во времени, человек, тем не менее, не ощущает его бремени, не замечает необратимости событий, иными словами, совершенно не отдает себе отчета в том, что характеризует и определяет осознание времени¹⁰.

И все события, все катастрофы, случающиеся в этой современности, можно вынести, перетерпеть, потому что они носят случайный характер временного отступления от мифа. Они и сегодня помогают сносить тяготы существования десяткам миллионов людей. Еще и сегодня весьма значительная часть населения Европы, не говоря уже о других континентах, продолжает оставаться в рамках традиционной, «антиэволюционистской» культуры¹¹.

Правда, внедрение в сознание масс архаических мифов о счастливом прошлом или светлом будущем оказалось палкой о двух концах. По мере нарастания ужаса перед историей, по мере осознания хрупкости существования в рамках истории, растет чувство ностальгии по мифу и, в конечном счете, стремление к упразднению времени. Уже сейчас «вполне возможно представить себе эпоху, причем не слишком удаленную, когда человечество ради

своего выживания полностью прекратит “творить историю” – в том смысле, в каком ее творили, начиная с появления первых империй, – и предпочтет *повторять* предписанные архетипические жесты, постаравшись *забыть* такую опасную и бесполезную вещь, как спонтанное действие, рискующее иметь “исторические” последствия»¹².

Упорный отказ человека массы от индивидуальной памяти и нежелание осознать себя в конкретном времени свидетельствуют, таким образом, о его слишком рано наступившей усталости, о патологической боязни движения и действия: оказавшись в ситуации, когда следует принять историческое существование и связанный с этим риск, он делает выбор в пользу пассивного следования образцам, архетипам, идеологическим установкам. Если я «делаю жизнь по Ильичу» или следую заветам фюрера, то я выпадаю из времени, история не властна надо мной. Я принадлежу не себе, а нации, крови, почве, и, в конечном счете, вечно повторяющимся циклам Вселенной.

Примечания

- ¹ При советской власти был очень популярным анекдот: «При коммунизме как будет? Протянул руку, нажал кнопку, и бревно на плече!»
- ² Шаламов В. Моя жизнь – Несколько моих жизней. [Электронный ресурс] URL: <https://shalamov.ru/library/27/> (дата обращения: 27.11.2017).
- ³ Добренко Е. О репрезентологии (К культурной истории сталинизма) // НЛО (Новое литературное обозрение). 2005. № 71. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/dobrenko29.html> (дата обращения: 15.01.2015).
- ⁴ См.: *Corney F.C.* Telling October: Memory and the making of the Bolshevik Revolution. Ithaca; London: Cornell University Press, 2004. P. 10–12.
- ⁵ Трубина Е. Учась вспоминать: векторы исследований памяти // Власть времени: социальные границы памяти. М., 2011. С. 28.
- ⁶ См.: *Пелевин В.* Зомбификация. Опыт сравнительной антропологии // Пелевин В. *Relics*. Раннее и неизданное. М., 2005. С. 314.
- ⁷ См.: *Добренко Е.* Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецензии советской литературы. СПб., 1997. С. 111.
- ⁸ *Трубина Е.* Указ. соч. С. 29; «...исторические нарративы и общие коллективные воспоминания не только фиксируют и объясняют прошлое, но и его оценивают, открывает возможность идеологического использования дискурса о прошлом, которое скрыто служит формированию и продвижению вполне определенных образов человека и истории» (Там же. С. 35–36).

⁹ Там же. С. 42.

¹⁰ *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. СПб., 1998. С. 132–133.

¹¹ «Да и в наши дни, когда историческое давление не предоставляет более никакого укрытия, как сможет человек вынести катастрофы и ужасы истории – начиная от депортаций и массового истребления и кончая атомными войнами – если за всем этим не увидит он никакого знака, никакого трансисторического намерения, если все это будет лишь слепой игрой экономических, социальных и политических сил или, что еще хуже, результатом тех “свобод”, которые присвоило себе меньшинство, чтобы без помех распоряжаться на сцене всемирной истории?» (Там же. С. 231).

¹² Там же. С. 234.